

ЕВГЕНИЙ ГОРБУНОВ

СТАЛИН И ГРУ

1918-1941 ГОДЫ

100 лет ГРУ: дела и люди

Евгений Горбунов

Сталин и ГРУ. 1918-1941 годы

«Алисторус»

2018

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

Горбунов Е. А.

Сталин и ГРУ. 1918-1941 годы / Е. А. Горбунов — «Алисторус»,
2018 — (100 лет ГРУ: дела и люди)

ISBN 978-5-907024-75-5

Сталин, как ни один другой руководитель, понимал и ценил советскую разведку, которая уже к началу 30-х стала лучшей в мире. Благодаря военной разведке удалось предотвратить нападение на СССР в 1927 и 1929–1932 годах ряда европейских стран, которых на это активно провоцировали. Опираясь на разведданные, Сталин смог доказать соратникам необходимость индустриализации, что в конечном счете предопределило исход Великой Отечественной войны. Книга ведущего историка советской военной разведки, целиком основанная на ранее неизвестных архивных документах, впервые проливает свет на самые секретные эпизоды тайной войны, позволяя заглянуть за кулисы большой политики, в святая святых ГРУ, – что докладывала военная разведка Сталину, как он реагировал на эти данные, какие выводы делал и какие меры по укреплению обороноспособности страны предпринимал.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-907024-75-5

© Горбунов Е. А., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Евгений Горбунов

Сталин и ГРУ. 1918–1941 годы

Предисловие

«Разведка – игра со многими неизвестными, неудачи в ней неизбежны».

Из доклада Берзина Ворошилову о технической разведке от 6.3.30 г. – РГВА, ф. 33 987,00. 3, д. 302, л. 26.

Основная задача любой разведки: военной, политической, дипломатической, экономической, научно-технической – информация высшего государственного, политического, военного и дипломатического руководства страны. Информация первична, и для потребителей информации не столь уж важно, в результате какой разведывательной операции она получена и кто ее добыл.

Поэтому любому историку при описании деятельности разведки важно в первую очередь исследовать, проанализировать и оценить информацию разведки. И показать читателю, если история разведки предназначена для массового читателя, как эта информация влияла на принятие конкретных решений на высшем государственном, политическом, военном и дипломатическом уровне.

У любого читателя, взявшего в руки подобное исследование, может возникнуть естественный вопрос: куда попала информация, полученная разведкой, осела ли она в папках архива, принята к сведению руководством разведки или вышла из стен управления и пошла «наверх»? А если пошла, то к кому? Кто из руководителей страны ее читал, как на нее реагировал и какие решения на высшем политическом, военном или дипломатическом уровне были по ней приняты. И от ответа на эти вопросы зависит то, насколько автору удалось полно и правдиво показать историю одной из разведок Советского Союза.

Нельзя строить историю разведки только на анализе и исследовании информации или на описании разработки и осуществлении разведывательной операции и биографиях участников этих операций. Очевидно, наиболее полной и интересной для массового читателя будет та история, где будут разумно сочетаться оба эти направления истории разведки. В истории разведки кроме биографий резидентов и разведчиков надо обязательно упоминать фамилии и биографии руководителей разведки. И здесь в истории Разведывательного управления на первое место выходит Ян Карлович Берзин – бессменный руководитель военной разведки на протяжении 15 лет межвоенного двадцатилетия.

История разведки – очень неудобная тема для исследователя. О разведке любой страны пишут только тогда, когда разведчик или резидент, особенно легальный, провалился, засветился, вышел из строя или был отозван. Тогда появляются статьи: хлесткие, рассчитанные на сенсацию в газетах, и более солидные и серьезные в журналах. И о разведчике начинают говорить. Говорят читатели, смакуя подробности провала, рассуждают историки, пытаясь понять влияние тех или иных ставших известными фактов на развитие исторического процесса. Но это в случае провала. А в случае успеха тщательно разработанной и блестяще осуществленной разведывательной операции, когда полученная ценнейшая информация и документы переданы на самый «верх», – полная тишина в прессе. На высшем государственном или дипломатическом уровне на основе полученной от разведки информации и документов принимаются важнейшие решения, пресса шумит о прозорливости руководителей государства и дипломатов. А разведка скромно молчит, отойдя в сторону. Документы об отлично проведенной разведыва-

тельной операции на десятилетия, если не навсегда, оседают в архиве разведки, и все затихает, и никто ни о чем не говорит – разведка выполнила свой долг перед страной. И если молчат о разведке, то, конечно, не говорят и о руководителях разведки, обеспечивающих безопасность страны и информирующих ее высшее руководство обо всех важнейших событиях в мире.

История советской военной разведки имеет точную дату своего рождения в открытой литературе. Это день, когда в центральных газетах были опубликованы первые статьи о советском военном разведчике Рихарде Зорге. Официальная версия, существовавшая до этого в Советском Союзе и утверждавшая, что у нас в стране разведки нет, а есть только контрразведка, рухнула. Стена молчания, совершенно неясного, непонятного и ничем не объяснимого, когда о нашей военной разведке писали журналисты и историки многих стран, рухнула.

Естественно, газеты и журналы в 1964 году заговорили не только о разведывательной группе Рихарда Зорге, но и о руководителе военной разведки и авторе разработки операции «Рамзай» Яне Карловиче Берзине. Его биография, конечно, очень скупая и неполная, знаменитая фотография, публиковавшаяся еще в начале 30-х, и все то, что до этого времени хранилось в сейфах специальных архивов с грифом «Совершенно секретно», попало на страницы открытой печати. И перед читателями 60-х годов из скупых строк газетных статей и официальных документов встал человек, находившийся на переднем крае невидимого фронта. Он защищал самое для него святое – первое в мире социалистическое государство. Его защита была для него целью жизни, и для этого он пожертвовал всем. В те годы для бойцов старой партийной гвардии и не могло быть иначе. Слишком большой была угроза войны, и руководитель военной разведки чувствовал это лучше многих. Отвести удар, выиграть время, помочь окрепнуть молодой стране – в этом была цель и смысл его жизни.

В любой стране биографии руководителей разведки – табу для историков. Исключение делают тогда, когда их сажают в тюрьму или вешают по приговорам международных трибуналов в Нюрнберге или Токио. Но это исключение из правил. Правилom является молчание об их жизни и деятельности и особенно их работе, а исключением – тщательно дозированные крохи информации. Если собрать, обобщить и систематизировать все то, что руководство ГРУ разрешило сказать в Советском Союзе о Яне Карловиче Берзине с 1964 по 1991 год, то на книгу, конечно, не хватит. Архив ГРУ закрыт наглухо, и оттуда невозможно получить ни одного документа, не говоря уже о том, чтобы заглянуть в личное дело Берзина. Следственное и реабилитационное дела Берзина, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ, тоже закрыты для исследователей. К ним не подпускают даже его родственников, и никакие принятые в России законы о сроках давности 50 лет для рассекречивания документов разведки здесь не действуют. У ФСБ на этот счет свои законы. Поэтому ни о какой полной документальной биографии Берзина не может быть и речи. Вся надежда любого исследователя – только на то, что удастся найти в других архивах, собирая там по крупинкам малейшую информацию о нем, сопоставляя ее с уже опубликованными данными, сравнивая, анализируя и исключая то, что противоречит обнаруженным документам о начальнике советской военной разведки.

Основой при попытке написать биографию Яна Берзина являются, бесспорно, документы, написанные и подписанные им. Они находятся в разных архивах, и при знакомстве с ними этот человек предстает иногда совершенно не таким, как его изображали писатели и журналисты в 60-80-х годах прошлого века. Поэтому для правильного понимания образа этого руководителя разведки каждый документ, под которым стоит его подпись, должен быть изучен, исследован и сопоставлен с другими документами, в которых показывается решение той же самой проблемы, над которой работал Берзин. Такое изучение документов – основа для более правильного показа читателю его жизни и, самое главное, деятельности на посту руководителя советской военной разведки.

Другой пласт материалов, дополняющих и расширяющих его биографию, – воспоминания людей, знавших Берзина, работавших с ним и хорошо помнящих не только начальника

разведки, но и атмосферу того далекого времени. Таких воспоминаний немного, большинство людей, работавших со «Стариком», разделили его судьбу в Лубянских подвалах. Их воспоминания ценны тем, что при цепкой памяти профессиональных разведчиков они воссоздают дух эпохи межвоенного двадцатилетия и показывают нам, жителям XXI века, ту обстановку, в которой они жили и работали.

После первых статей о Рихарде Зорге скрывать то, что у нас имела военная разведка, было уже бессмысленно. Вот он, герой-разведчик, со своей группой, вот начальник разведки, вот его ближайшие помощники: «товарищ Оскар» и «товарищ Василий» (Оскар Стигга и Василий Давыдов). Но информация о Берзине, появившаяся на страницах газет, журналов и книг за 27 лет до августа 1991 года, дозировалась очень тщательно. Разрешали подробно писать о детстве, юности, участии в революционном движении. Не возражали и против подробного освещения событий Гражданской, его роли в подавлении эсэровского мятежа и работы в Особом отделе 15-й армии. А вот потом следовало несколько сухих строк о 15-летней работе в военной разведке и подробное описание, особенно во всех очерках Овидия Горчакова, его пребывания на посту главного военного советника в Испании. И у Овидия Горчакова, и у других авторов, писавших о Зорге и упоминавших в своих книгах Берзина, его образ получался, конечно, только положительным, идеологически выдержанным в строгом соответствии с существовавшими тогда канонами верного ленинца, беспощадного борца с троцкистской оппозицией, ученика и продолжателя дела Железного Феликса, рекомендовавшего его в разведку.

Считалось, что работу стратегической разведки – Разведывательного, или Четвертого, управления Штаба РККА, подлинную фамилию и биографию ее руководителя окружала завеса непроницаемой тайны, покровы с которой частично были сняты только в конце 1964 года. В западногерманской военной литературе как-то промелькнуло сообщение, что в середине 30-х годов абвер и служба безопасности прилагали большие усилия для того, чтобы раскрыть фамилию руководителя советской военной разведки, определить его воинское звание, биографию, боевые награды, получить хотя бы небольшие штрихи его словесного портрета. Трудно поверить в достоверность подобных сообщений, особенно если учесть, что подлинная фамилия руководителя советской военной разведки и его краткая биография не являлись военной тайной уже в начале 30-х годов.

«Красная звезда» – центральная военная газета. 23 февраля 1928 года, в десятую годовщину создания Красной Армии, в ней был помещен список 976 участников Гражданской войны, награжденных высшей наградой Союза – орденом Красного Знамени. И вот в этом списке одна за другой появляются фамилии сотрудников Управления. Ян Карлович Берзин – начальник Управления. Бронислав Бортновский – заместитель начальника, Жигур, Аппен, Гайлис, Мамаев, Порецкий – заместители начальников отделов. Целая группа ведущих сотрудников Управления. Основная тайна любой разведки: подлинные фамилии и занимаемые должности руководящих сотрудников Управления появились на страницах газеты.

И, наконец, совершенно невероятный факт. Советская военная энциклопедия начала выходить в 1931 году. Редакционную коллегию возглавляли крупнейшие военачальники армии и военные теоретики. Фамилии Тухачевского, Шапошникова, Эйдемана, Триандафилова были широко известны в стране в те годы. В первых томах публиковались биографии советских военачальников. Статьи о Блюхере, Буденном, их портреты. И во втором томе, очевидно, по инерции, иначе это трудно объяснить, опять упоминается фамилия начальника Разведывательного управления. Небольшая статья: «Ян Карлович Берзин» – его биография. Все те сведения о нем, которые появились на страницах наших газет в 1964 году, были подробно изложены еще в те годы, за 30 лет до второй публикации. Старый член партии большевиков, участник революции 1905 года, каторжанин и профессиональный революционер, участник Гражданской войны, сотрудник Особого отдела 15-й армии. В конце статьи фраза: «В настоящее время является начальником Четвертого Управления Штаба РККА». Рядом со статьей портрет Берзина – ежик

седых волос, три ромба в петлице, орден Красного Знамени на гимнастерке, перехваченной ремнями. Подлинная фотография начальника военной разведки, которая вторично была опубликована в газетах только через 30 лет, в 1964 году.

Сразу возникает вопрос: знали ли иностранные разведки, и в первую очередь польская, английская, французская, немецкая, чем занималось 4-е Управление Штаба РККА? Безусловно знали, тем более что обмен разведывательной информацией между ними был поставлен на широкую ногу и структура Штаба РККА хорошо известна. Нет сомнения в том, что вся открытая советская военная литература тщательно систематизировалась, обрабатывалась и анализировалась. И, конечно, биография руководителя советской военной разведки, хотя и краткая, и его фотография были замечены, а откровенность печати, сообщившей сведения, которые в любой разведке являются совершенно секретными, оценена по достоинству.

В 20-е годы военное сотрудничество между РККА и рейхсвером было очень тесным. Все мероприятия по контактам между двумя этими ведомствами осуществлялись через 4-е Управление Штаба РККА. И Берзин, как руководитель Управления, был в курсе взаимодействия высшего военного руководства двух стран. Он неоднократно встречался со всеми руководителями рейхсвера, которые официально, полуофициально и неофициально приезжали в Союз, и они отлично знали, какую должность в РККА занимает этот латыш. Кроме того, в Москве в течение 10 лет, с 1920 по 1930 год, находился представитель рейхсвера Оскар Нидермайер. Этот опытный и профессиональный разведчик по долгу своей службы регулярно встречался с Берзиным, решая все возникающие вопросы взаимодействия армий двух стран. Так что недостатка в информации о руководителе советской военной разведки, а возможно, и о его ближайших соратниках, у абвера в 20-х годах не было.

Конечно, в начале 70-х, когда Горчаков на встрече выдвигал свои предположения, все связанное с военным сотрудничеством двух стран являлось военной тайной и об этом нельзя было упоминать даже в виде туманных намеков. Вот и говорил маститый разведчик и писатель о том, что абвер ничего не знал, хотя досье на Берзина, и, очевидно, досье солидное, у немцев было. Делились ли они этой информацией с французской, польской и особенно английской разведками? Здесь можно строить только предположения. О контакте этих разведок и обмене между ними информацией пока никаких документов в наших открытых архивах обнаружить не удалось.

На подробное описание его деятельности на посту начальника советской военной разведки был наложен жесткий запрет. И не случайно рукопись книги Овидия Горчакова о Берзине, сданная на проверку, навсегда легла на дно «Аквариума». На этом попытки сказать что-то серьезное и солидное о нем закончились. А между тем Берзин, пришедший в разведку в декабре 1920-го, и начальник Разведупра Берзин, ушедший из военной разведки весной 1935-го, – разные люди. Разные по приобретенному опыту, знанию жизни, мастерству руководителя разведки, видению и оценке военно-политических событий в мире. Берзин 1920-го и Берзин 1935-го несовместимы. Новичок в разведке превратился в Мастера.

Берзина в начальники Управления выдвинул новый зампред Реввоенсовета Иосиф Уншлихт. Берзин был, очевидно, человеком команды Уншлихта, то есть человеком команды ОГПУ в РККА. Неудивительно поэтому, что Уншлихт до 1929 года поддерживал Берзина и помогал ему. А эта поддержка «сверху» была очень серьезной и солидной. Очевидно, с ее помощью Берзин мог держать в руках нити советско-германского военного сотрудничества. Уншлихт был хорошим специалистом по разведке и мог во многом помочь Берзину – особенно в 1924–1925 годах, когда он только что возглавил Разведупр. Очевидно также, не случайно пик деятельности активной разведки приходится на вторую половину 1924 года. Здесь, наверное, прослеживается руководство Уншлихтом «Нелегальной военной организации» в 1919–1920 годах на Западном фронте.

Конечно, в книге неизбежны предположения и версии. Можно сделать допущения, высказать мнения о тех или иных поступках, словах, мыслях руководителя разведки. Но все это не должно быть беспочвенной фантазией автора. Любые авторские отступления в биографии имеют смысл только тогда, когда они обоснованы и подкреплены документами. Читатель должен видеть серьезность высказываний, чувствовать солидную документальную основу повествования. Иначе он просто не поверит автору. И книга из истории разведки и биографии ее руководителя, жившего в 20-30-х годах, превратится в обычный детектив.

У Яна Берзина было несколько биографий. Биография официальная, которая помещалась на страницах официальных военных изданий (книги, газеты, журналы) с конца 1964 года, биографии полуофициальные, которые писали журналисты и писатели с известной долей фантазии. Они были допущены в архив ГРУ, где им показали отдельные документы, написанные и подписанные Берзиным, и кое-какие документы из его личного дела, конечно, показывающие его с самой лучшей стороны. Можно не сомневаться, что в архивах военной разведки лежит и закрытая биография начальника Разведупра, которая, несомненно, дописывалась и переписывалась в зависимости от изменения военной и политической конъюнктуры и взглядов на действия военной разведки в различные периоды истории. Была и еще одна биография, которую его заставили написать в Лубянской тюрьме, приложив к ней семь томов выбитых пытками показаний о своей разведывательной деятельности и работе возглавляемого им Разведывательного управления. Но до этой биографии историки могут добраться не раньше, чем через несколько десятилетий, да и то при благоприятных обстоятельствах.

Берзин не был строевым командиром, не участвовал в формировании и обучении крупных войсковых соединений. Но он создал, обучил и воспитал свое особое соединение, которое не значилось в списках боевых частей, не имело порядкового номера, определенного места дислокации. Бойцы этого невидимого соединения воевали во многих странах мира, в самых горячих точках планеты, откуда могла исходить опасность для нашей страны в межвоенные годы. Они следили за событиями, предупреждая об опасности, которая могла угрожать их Родине. И в создании этого особого соединения, сражавшегося на невидимом фронте, большая заслуга руководителя военной разведки.

У этого человека были друзья, соратники, помощники – люди, которых он хорошо знал, которым абсолютно доверял и с которыми многие годы работал в военной разведке. В Разведупре был сплоченный коллектив единомышленников, выражаясь современным языком, команда Берзина. И говорить о Берзине – значит говорить и о его команде. Большинство из этих людей разделило его судьбу – арест, суд, пуля в затылок в лубянском подвале и полная, хотя и секретная, реабилитация в середине 50-х. Поэтому говорить о Берзине – значит говорить и о его окружении. Берзин и его команда неотделимы друг от друга.

В 1929 году у Берзина появился новый начальник – начальник Главного политического управления Бубнов. Но Бубнов не знал специфики работы разведки. В разведке он был дилетантом, и этому дилетанту должен был подчиняться такой профессионал, как Берзин. Бубнова сменил такой же дилетант в разведке Ян Гамарник, не имевший, как и Бубнов, опыта, навыков и знаний в разведке, которыми обладал Ун шлихт.

В том же году произошла смена начальника агентурного отдела Бронислава Бортновского на Рубена Таирова. Бортновский – опытный разведчик. Организовал агентурную разведку еще в 1920 году на Западном фронте против поляков. Работал за рубежом – в Германии. Несколько лет был начальником агентурного отдела и помощником Берзина. Руководил агентурной разведкой Управления. Достойный заместитель Берзина в случае его перемещения, с большим опытом, стажем и авторитетом среди сотрудников. После ухода Бортновского Берзин фактически остался в одиночестве. Вести дискуссии по разведке, спорить, советоваться было уже не с кем. Другого такого достойного зама до прихода Мельникова, а потом Артузова в Разведупре

у Берзина не было. В случае ухода Берзина Бортновский мог возглавить Разведупр и успешно руководить им.

Таиров – случайная фигура в разведке. До Разведупра – политический советник в Китае. Возглавил агентурный отдел, не имея опыта работы в этой области. Работал недолго (2,5 года) и, конечно, ничего не сделал для агентурной разведки. И, может быть, провалы 1931–1932 годов связаны с его плохим руководством агентурным отделом.

Берзин привык работать «под Уншлихтом», привык к некоторой самостоятельности в обращении с «верхами», так как Уншлихт доверял ему, знал его еще по Западному фронту в 1920 году и не досаждал мелочной опекой. Таким образом, и с 1930 года, и до его ухода из Разведупра в апреле 1935-го Берзин не имел помощи и поддержки «сверху», не имел, выражаясь современным языком, «крыши» и по всем вопросам разведки оставался один на один с Ворошиловым, который был тогда и остался потом дилетантом в разведке, которому трудно было что-либо доказать.

Это положение усугубилось в 1930 году, когда по новому распределению обязанностей Управление стало подчиняться непосредственно наркомму. Отсюда, очевидно, и серьезные ошибки в работе Управления в начале 30-х годов до ухода Берзина.

Для любого руководителя разведки большое значение имеет то, кто является его ближайшим помощником, его заместителем, на которого он может опереться в работе и опыту и знаниям которого он может доверять. Для Берзина таким опытным и надежным замом в 20-е годы был только Бортновский. Замена Бортновского на Таирова в 1929 году, который был на порядок ниже, была серьезным ударом для Берзина. Он потерял поддержку «снизу», поддержку квалифицированную и надежную. После ухода Таирова агентурный отдел на короткий срок (один год) возглавил Борис Мельников, который также уступал Бортновскому, хотя и был как разведчик значительно сильнее Таирова.

Отсутствие полноценного зама – Давыдов и Стигга только помощники. Никонов – аналитик (с 1925 по 1935 год), агентурной разведкой он не занимался. И, конечно, слабая подготовка кадров как одна из причин будущих провалов. На пятимесячных курсах по усовершенствованию, а это было единственное учебное заведение Разведупра до середины 30-х, учились такие асы разведки, как Борович, Анулов, Винаров, и новички, взятые из строевых частей.

В 1930 году Берзин после ухода Уншлихта и Бортновского лишился поддержки и «сверху», и «снизу» и остался один. Может быть, в 1931 году он один и не смог удержать бразды правления в своих руках, и поэтому начались провалы. Попытка советской литературы показать Давыдова и Стиггу как ближайших соратников Берзина при знакомстве с архивами не выдерживает критики. Эти двое, и особенно Давыдов, были мелковаты для того, чтобы быть ближайшими соратниками такой личности, как Берзин. Ближайший соратник может и должен заменить руководителя в случае необходимости. Но трудно представить Стиггу, а тем более Давыдова, во главе Разведупра.

Для многих читателей, особенно 60-70-х годов, имя Берзина связано с операцией «Рамзай» и одним из выдающихся разведчиков – Рихардом Зорге. Но у военной разведки были не только блестящие победы, но и громкие поражения. Провал резидентуры во Франции в 1933 году. Провал в том же году резидентуры Марии Тылтынь в Финляндии и, наконец, знаменитый копенгагенский провал 1935 года. Нашему читателю до сих пор неизвестны эти провалы, хотя еще в те годы о них шумела мировая пресса. Поэтому, говоря о Берзине, надо говорить не только об операции «Рамзай», но и о поражениях и провалах военной разведки в те годы, когда он возглавлял Разведупр. Одно неотделимо от другого. Берзин не перекладывал вину за провалы и поражения на других, а полностью принимал ее на себя. И в апреле 1935 года, на следующий день после постановления Политбюро о снятии его с работы, подал рапорт об отставке и ушел из разведки, в которой проработал 15 лет, именно из-за копенгагенского провала.

Надо отметить и то, что судьба начальника советской военной разведки решалась не в кабинете наркома обороны. Все его перемещения, начиная с апреля 35-го по август 37-го: снятие с должности начальника Управления, назначение в ОКДВА, перемещение в Испанию главным военным советником, утверждение во второй раз начальником Разведывательного управления и окончательное снятие с этой должности – увольнение из разведки – были оформлены решениями Политбюро, а фактически Сталиным. В те годы все кадровые вопросы по руководству военной разведкой принимал только он. Конечно, Ворошилов как нарком обороны и как член Политбюро мог выступать со своими предложениями, но последнее слово было за Сталиным. Берзин, как солдат партии, как партиец с огромным стажем, был обязан подчиняться решению высшей партийной инстанции. И его личное мнение по поводу перемещения и назначения не имело никакого значения. Хотя он понимал, что и ошибку можно исправить, и последствия провала можно локализовать, чувствовал же, что альтернативной замены ему нет, что разведка многое потеряет с его уходом.

* * *

Органы высшего военного руководства Республики (Высший военный совет) создавались генералами русской армии, а они хорошо понимали значение агентурной военной разведки и предусмотрели эти структуры в составе Высшего военного совета, а потом и в составе Реввоенсовета Республики, закамуфлировав их под нейтральным названием Регистрационное управление (Региструп).

Политическое руководство (Ленин, Троцкий, Крестинский, Сталин) также хорошо понимало значение военной разведки. Эти люди получали всю разведывательную информацию Региструпа. Их предвидение событий объяснялось не гениальностью (например у Ленина), а обширной разведывательной информацией. Опыт Гражданской и особенно поражение в войне с Польшей показали им все значение успешной работы военной разведки в будущем. И не только для целей мировой революции, но и для выживания Республики.

Для 20-х годов можно отметить два временных периода: 1921–1924 годы и 1925–1929 годы. Первый период характерен активной деятельностью СВР на международной арене. Это активная разведка в Польше, участие в «германском Октябре», революция в Болгарии в 1923 и 1925 годах, Таллинском восстании 1924 года. Здесь же можно отметить и подробную информацию Ленина в 1921–1922 годах. Многочисленные разведсводки и подробные доклады Региструпа хранятся в ленинском фонде (РГАСПИ, фонд 5). После начала болезни Ленина этот поток разведывательной информации был переключен на нового генсека.

Для второго периода характерным является поворот деятельности СВР в сторону Китая и активное участие ее агентуры в китайской революции (1925–1927 годы), а также активная деятельность в Европе в связи с угрозой возможной войны («первая военная тревога»).

Для периода 20-х годов характерно тесное взаимодействие трех структур: военной разведки, политической разведки и Отдела международных связей Коминтерна. Следует отметить и такой характерный для конца 20-х и начала 30-х факт, как ротация кадров между Разведупром, ОМСом и ИНО ОГПУ.

Надо отметить, что в 20-е годы военная разведка тесно взаимодействовала с руководством Наркоминдела. Нарком Чичерин, его замы Литвинов и Карахан регулярно получали разведсводки, военно-политические бюллетени, доклады по важнейшим военно-политическим вопросам. Оценки военной разведки учитывались нашей дипломатией при разработке внешнеполитического курса Советского Союза. При обсуждении внешнеполитических проблем на заседаниях Политбюро с обязательным участием Сталина также учитывалось мнение руководства военной разведки.

Для периода начала 30-х следует отметить два основных события: приход Гитлера к власти и многочисленные провалы военной разведки в 1932–1933 годах. Предвидела ли разведка приход Гитлера? Как она реагировала на его приход? И были ли эти оценки объективными? Или уже тогда тенденциозность в анализе и оценках взяла верх? Какую информацию о событиях в Германии получал Сталин от военной разведки? В какой мере эта информация перекликалась с информацией политической разведки? Вопросы поставлены, но, к сожалению, не на все из них можно пока дать ответ.

Такой серии провалов, как в 1932–1933 годах, у Разведупра еще не было. Если провалы 25-го в Польше и 26-го в Чехословакии можно было еще списать на болезни роста и отсутствие опытных агентурных кадров, то у провалов начала 30-х была, очевидно, какая-то другая, более серьезная причина. Нужно сказать о них читателю, не ограничиваясь только констатацией фактов провалов. И сказать, чем объясняло руководство разведки перед Сталиным эти провалы.

Постановление Политбюро от 25 мая 1934 года о работе Разведупра можно считать поворотным пунктом в истории военной разведки 30-х годов. И не только потому, что у Берзина наконец-то появился зам и опытный специалист по руководству агентурной разведкой, хотя и из другого ведомства и со своей командой «варягов». И не только потому, что Артузовым была разрушена структура центрального аппарата Разведупра. Главное, пожалуй, в том, что Сталин брал под свой личный контроль военную разведку страны. Артузов должен был быть в Разведупре «его глазами и ушами» (из письма Артузова Ежову). С этой даты разведкой начали руководить другие люди, и Берзин ушел бы из Разведупра после первого же крупного провала. Поэтому в истории военной разведки первого периода на этой дате надо ставить точку.

Глава 1

Создание разведывательной триады

Структура военной разведки была создана к ноябрю 1918 года и законспирирована в недрах Реввоенсовета Республики под невинным названием Регистрационное управление, или, по сокращенной терминологии того времени, Региструпр. Молодая военная разведка, в общем, успешно действовала во время Гражданской войны против Колчака, Деникина, Врангеля. При этом использовали богатый опыт и знания офицеров-разведчиков бывшей русской армии, привлекая их для работы в качестве консультантов Региструпра. Конечно, были и просчеты, и провалы, вполне естественные для вновь формирующейся разведывательной службы. Но свои задачи военная разведка здесь выполнила. Трудные времена для нее наступили в 1920 году, когда развернулись основные операции советско-польской войны.

Стремительное наступление войск Западного фронта, когда его армии под командованием будущего маршала Советского Союза Михаила Тухачевского дошли до стен Варшавы, породило эйфорию не только в Полевом штабе Реввоенсовета, но и в руководстве военной разведки. Казалось, что все великолепно, мы побеждаем, еще одно усилие, и панская Польша будет стерта с карты Европы и дорога в Германию для частей Красной Армии будет открыта. В этих условиях победных реляций, когда события неслись галопом, вряд ли кто в руководстве военной разведки думал о серьезной разведывательной работе, о заблаговременном создании надежно действующей агентурной сети в центральных районах Польши и в Варшаве, о действующих линиях связи, позволявших своевременно передавать информацию в штаб фронта в Минске и в Москву. Противника явно недооценили, полагая, что можно действовать в разведке старыми методами, пригодными против Колчака и Деникина.

Расплата за промахи и ошибки не заставила себя долго ждать. Военная разведка просмотрела сосредоточение фланговой группировки польских войск под Варшавой. Штаб Западного фронта не получил своевременно информации и не принял необходимых мер. Отборные части польской армии разгромили малочисленную Мозырскую группу, прикрывавшую левый фланг армий Западного фронта, наступавших на Варшаву. Эти армии оказались зажатыми между Вислой, польскими войсками и границей с Восточной Пруссией. Их ждал разгром, потеря всей боевой техники и десятки тысяч пленных и интернированных. Западный фронт развалился, и польские войска под командованием национального героя и спасителя Отечества маршала Юзефа Пилсудского начали наступление на восток. Была освобождена вся польская территория, захвачена Западная Украина и значительная часть Белоруссии вместе с ее столицей Минском (по условиям перемирия Минск с прилегающим районом пришлось отдать обратно). Польская кампания была проиграна, и поражение военной разведки было одной из причин разгрома войск Западного фронта.

Это хорошо понимали в политических и военных верхах. Понимали и то, что в новых мирных условиях тот аппарат военной разведки, который был создан в военное время, уже не может нормально функционировать и выполнять задачи, характерные для мирного времени, и прежде всего против Польши. 6 сентября 1920 года состоялось очередное заседание Политбюро. Присутствовали Ленин, Троцкий, Калинин, Сталин, Крестинский, Рыков. Председатель Реввоенсовета Троцкий внес предложение реорганизовать Региструпр, учтя при этом ошибки и просчеты в польской кампании и необходимость активизации работы военной разведки уже в условиях мирного времени. Надо отдать ему должное – значение военной разведки и в военное, и в мирное время, особенно в преддверии будущих битв за победу мировой революции, он понимал прекрасно. После обсуждения предложения Троцкого для выработки конкретных мер по реорганизации Региструпра создали комиссию в составе Сталина, Крестинского, нового

начальника Региструпра Яна Ленцмана, Курского и председателя ВЧК Дзержинского. Дзержинскому было поручено пополнить руководящий аппарат военной разведки опытными и проверенными кадрами.

В постановлении Политбюро было записано: «Для выработки мер по реорганизации Региструпра назначить комиссию из т.т. Сталина, Крестинского, Ленцмана, Курского и Дзержинского с поручением принять меры к усилению разведки на Западном фронте. Созыв поручить Курскому». Курский был членом Реввоенсовета Республики и комиссаром Полевого штаба. Ему подчинялся Региструпр в своей повседневной работе. Возможно также, что Дзержинский получил указание пополнить руководящий аппарат военной разведки опытными и проверенными кадрами. Участие начальника Управления в работе комиссии было также вполне естественным.

Очевидно, участие в этой комиссии было для Сталина первой возможностью пристально и подробно разобраться в деятельности такой организации, как центральный аппарат стратегической военной разведки, понять необходимость той информации, которую он поставлял «наверх», и оценить значение анализа военного и военно-политического положения Республики для принятия в будущем важнейших решений в области внешней политики и международного коммунистического движения. И неудивительно, что, став через два года генсеком, он не выпускал из-под своего контроля деятельность обеих разведок: военной и созданной в декабре 1920 года политической. Дзержинский и как член Политбюро, и как председатель ВЧК хорошо знал руководство военной разведки, часто сменявшихся начальников Региструпра и их замов. Знал, что подбор руководящих кадров был не всегда удачным – не везло военной разведке на руководителей, особенно в 20-м. У всех, кого назначали на эти должности, был один общий недостаток – не любили они эту работу, не лежала у них душа к разведке. Конечно, в условиях военного времени при жесточайшей партийной дисциплине они не отказывались от назначения и шли руководить такой специфической структурой, как военная разведка, не имея ни опыта работы, ни знаний в этой области. Очевидно, и Ауссем, и Ленцман, и особенно Зейбот с удовольствием занялись бы чем-то другим, более понятным для них и более знакомым. Но партия сказала, то есть партийные чиновники в ЦК решили, и надо было хоть и через силу, но подчиняться.

Владимир Ауссем в революционном движении с 1899 года и в партии с 1901-го. Партийный стаж для того времени огромный. С 1 января 20-го второй помощник начальника Региструпра, с 17 января уже заместитель начальника, а с 15 февраля назначается начальником Управления, сменив на этой должности Григория Пятакова. В июне после конфликта со Сталиным подает рапорт об освобождении: «для какого угодно назначения по усмотрению Реввоенсовета». Его просьба удовлетворяется, и с 12 августа он освобождается от должности начальника Региструпра. Ян Ленцман – латыш, член партии с 1899-го. В 1917–1919 годах член Реввоенсовета и начальник политотдела 15-й армии. С этой должности в Москву – заместителем Ауссема. 12 августа сменил его и стал начальником. Руководил военной разведкой и также, как и его предшественник, стремился вырваться из объятий военного ведомства и уйти на гражданку. В апреле 21-го ему это удалось – сменил кабинет начальника Региструпра на кабинет начальника Петроградского торгового порта. Кабинет начальника военной разведки занял его заместитель Арвид Зейбот. Вот так и шли они друг за другом – из заместителей в начальники и через несколько месяцев – на выход.

Арвид Зейбот – тоже латыш, но родился в 1894 году. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета по профессии математик-статистик. В царской армии не служил – учился. В партии с 1913 года. По сравнению со своими предшественниками – партийный стаж небольшой и опыта подпольной работы нет. В Красной Армии с марта 1919-го по мобилизации ЦК Компартии Латвии. И сразу же высокая должность – помощник начальника политотдела 15-й армии. Затем несколько месяцев – начальник политотдела этой же армии и

секретарь Загранбюро компартии Латвии. В августе 20-го перевод в Москву и опять высокое назначение помощником Ленцмана. Чем руководствовались при этом назначении? Военного образования не было – даже ускоренного курса военного училища не имел. Боевого опыта тоже не было. На вопрос анкеты об участии в военных действиях – красноречивый ответ: «В сражениях не участвовал. Так, при отступлении из Риги немного приходилось». И такого молодого человека в 27 лет, без военного образования и боевого опыта, с сугубо мирной профессией – в заместители, а потом и в начальники военной разведки огромного государства! В любой другой стране это было бы немыслимо.

Дзержинский как председатель ВЧК хорошо знал анкетные данные руководителей военной разведки. Знал, что во главе этой специфической организации стояли люди случайные и некомпетентные. Но также понимал, что предлагать Политбюро в руководители военной разведки кандидата со стороны нерационально – не приживется в уже сформировавшемся коллективе разведчиков, да и подходящей кандидатуры тогда не было. И он решил подобрать на должность начальника основного, то есть агентурного, отдела человека со стороны. Такой кандидат должен был иметь солидный партийный стаж и авторитет, опыт подпольной работы, боевой опыт на фронтах Гражданской войны. И, самое главное, хоть какой-то опыт работы с агентурой. В 20-м такой опыт агентурной работы среди сотрудников ВЧК имели только начальники Особых отделов фронтов и армий, которые до образования ИНО ВЧК вели агентурную разведку во фронтовой и армейской зонах. Этими соображениями и определялся его поиск человека на одну из ключевых должностей в Региструре.

Кандидатура Берзина была, конечно, не случайной. Дзержинский отлично знал всех начальников Особых отделов фронтов и армий, их сильные и слабые стороны, их достоинства и недостатки. И, очевидно, после размышлений и сопоставлений кандидатура начальника Особого отдела 15-й армии Яна Берзина была признана наиболее подходящей. Возможно, он рассчитывал, что этот латыш не будет проходящей фигурой, как его предшественники, что работа в военной разведке станет для него любимой профессией и смыслом жизни и что он навсегда свяжет себя с этой изнурительной и тяжелейшей работой. Хотел ли председатель ВЧК, предлагая чекиста на высокий пост в военную разведку, продвинуть туда своего человека? На этот вопрос ни один исследователь сейчас не даст положительного ответа. Никаких документальных доказательств, подкрепляющих эту версию, пока нет.

* * *

Вызов в Москву к председателю ВЧК был для Яна Берзина неожиданным. Он привык к своей работе в 15-й армии Западного фронта, сдружился с товарищами по отделу и уже разрабатывал планы перестройки Особого отдела в связи с переходом на мирное положение. Конечно, он понимал, что демобилизация неизбежна, что крупные армейские соединения вряд ли останутся в армии мирного времени и Особый отдел, возможно, расформируют, но все это мыслилось и представлялось в тяжелую пору конца 20-го в далеком будущем. Телеграмма, под которой стояла подпись Дзержинского, была лаконичной: «Сдать дела и немедленно прибыть в Москву». Если сдать дела – значит, новое назначение и новое место службы.

И началась для него новая работа в Москве. Получил кабинет на Лубянке. Встретился со своими старыми друзьями по 15-й армии Ленцманом и Зейботом. Трем латышам было о чем поговорить при встрече. Вспомнили о боях на Западном фронте и августовское отступление. Говорили и о работе разведки в польской кампании. О просчетах, ошибках, о том, что Польша сейчас враг номер один и надо сделать все, чтобы будущая война закончилась победой и взятием Варшавы. Нового начальника отдела вводили в курс дела, знакомили и с сотрудниками отдела, и с сотрудниками Управления. Работы было много, а людей мало. Помощника у Берзина не было, и приходилось работать за двоих, не считаясь со временем. Долго, после

того как все уходили, горел свет в окнах его кабинета. И в таком режиме, с утра и до поздней ночи, работа на долгие годы. С руководителями Управления сработался и нашел общий язык быстро, а вот с подчиненными и другими сотрудниками было труднее. Сказывалось то, что пришел из ВЧК с рекомендацией всесильного Председателя. Да еще и из Особого отдела. Не любили в военной разведке чекистов, а особистов тем более. Чувствовался антагонизм между двумя службами, да и попытки ЧК во время Гражданской подмять под себя военную разведку еще не забылись. И много времени и сил пришлось потратить будущему начальнику Разведупра, чтобы побороть отчуждение и неприязнь некоторых сотрудников, найти общий язык и завоевать авторитет и влияние среди них.

В ноябре 20-го с освобождением Крыма закончилась Гражданская война. С территории России исчезли Деникин и Врангель. С поляками в октябре заключили перемирие, и в борьбу вступили дипломаты, разрабатывая в нейтральной Риге основы мирного договора. Каждая из сторон на переговорах отстаивала свои интересы, надеясь не только на искусство своих дипломатов, но и на информацию, которую поставляла разведка. Но всеобъемлющая и достоверная информация о том, что творилось за линией перемирия и в странах Европы, нужна была не только дипломатам, но и военному ведомству. Несмотря на перемирие и зимнее затишье, и в Реввоенсовете, и в Полевом штабе ожидали весной 21-го серьезных неприятностей во взаимоотношениях с Польшей. И готовились к возможному возобновлению военных действий против польской армии и против многочисленных отрядов Савинкова, Булак-Балаховича и Тютюнника, расположившихся на занятой поляками территории. Для подготовки к будущим боям, а такая возможность в Москве не исключалась, нужна была подробная и достоверная информация обо всем, что творилось в Польше. И не только в Польше, но и у ее союзницы Франции. В Москве хорошо знали о той большой помощи советниками, вооружением и материалами, которую Польша получала во время войны 1920 года. Французские самолеты, танки и орудия громили армии Тухачевского у стен Варшавы.

Но подробная информация нужна была не только дипломатам и военным. В Германии вновь, после 1918 года, складывалась революционная ситуация. И в высшем партийном руководстве Республики, а также в Исполкоме Коминтерна рассчитывали на новый всплеск мировой революции. Центром нового революционного пожара должна была стать Германия. И в эту страну нужно было послать людей не только для получения достоверной информации, но и для помощи местным организациям коммунистической партии Германии в подготовке нового вооруженного восстания. Таким образом, к началу 21-го определились три основных направления деятельности военной разведки: Польша, Германия, Франция. В этих странах в первую очередь нужно было создавать обширную и надежную действующую агентурную сеть. Но для ее создания нужны были надежные и опытные кадры, способные акклиматизироваться и закрепиться в этих странах, не вызывая подозрений местной полиции и особенно контрразведки, имевшей большой опыт борьбы со шпионажем, полученный во время мировой войны. С этими мощными структурами должна была вступить в борьбу молодая военная разведка. Именно военная, потому что в начале 21-го политическая разведка (ИНО ВЧК), созданная только в декабре 1920 года, еще не обладала ни опытом работы, ни нужными кадрами. В то время только военная разведка, имевшая опыт Гражданской войны, могла добиться солидных результатов. На нее и легла вся тяжесть получения информации для высшего политического, военного и дипломатического руководства страны.

Для успешной работы нужна была солидная агентура. И Берзин как начальник оперативного (агентурного) отдела должен был искать именно такую агентуру для зарубежной работы. Русских, годных для этой работы, было мало: партийцев с большим эмигрантским и партийным стажем, хорошо знавших языки и условия жизни в Европе. Но таких людей из старой партийной гвардии было немного, спрос на них был огромный, распределялись они Центральным

Комитетом поштучно. И, конечно, нельзя было рассчитывать, что Региструпру при распределении кто-либо достанется.

Готовить разведчиков в военно-учебных заведениях, как это делают сейчас, не было возможности. Не было у Республики специальных разведывательных академий, институтов и школ. Созданное в 1920 году при Военной академии восточное отделение начало готовить специалистов для разведывательной и дипломатической работы в странах Востока (Турция, Персия, Китай, Япония). Для работы в европейских странах эти специалисты негодились. Да и учреждений, желавших получить выпускников этого отделения, хватало. Наркоминдел и Коминтерн стремились заполучить специалистов с фундаментальной военно-политической подготовкой. И опять Учраспродотделу ЦК партии приходилось распределять выпускников-«восточников», удовлетворяя понемногу все заинтересованные ведомства.

Обстановка в 21-м и 22-м, когда комплектовались первые кадры разведчиков-нелегалов, была для Разведупра тяжелейшая. Польша – главный враг. Ее военная союзница Франция – тоже враг. За белогвардейскими воинскими формированиями и бандами на территории Польши нужно было смотреть в оба. За прибалтийскими странами, Финляндией и Румынией – тоже. И во всех этих странах нужны были свои надежные и проверенные люди, способные давать ценную военную и политическую информацию. Эта информация нужна была политическому, дипломатическому и военному руководству страны для принятия взвешенных и правильных решений во внешней политике и партийной работе за рубежом по линии Коминтерна. Повторять ошибки 1920 года в Москве не хотели.

Первыми потребовали такую информацию дипломаты, которые в своих дипломатических демаршах нашим западным соседям должны были точно указывать на то, что творится на их территории.

Такую информацию получали не только дипломаты. Все месячные разведывательные сводки в 21-м рассылались: председателю Совета обороны Ленину, председателю Реввоенсовета Троцкому, главкому Республики Каменеву, начальнику Полевого штаба Лебедеву, Чичерину и его заместителю Карахану. Наивно думать, что Ленин был гением, точно предсказывавшим события, никогда не ошибавшимся в оценках политической и военной обстановки в Европе, как об этом писали раньше его многочисленные биографы. Просто он помимо всех разведывательных сводок получал от военной разведки в 21-м подробные доклады, справки и сообщения по политическим и военным вопросам. На основе этой подробной информации нетрудно было прогнозировать события.

Для четкого и бесперебойного функционирования разведывательной машины нужны были кадры, способные успешно работать за кордоном. Свои, прошедшие годы мировой и Гражданской в окопах или кавалерийском седле, для этого негодились. И руководство военной разведки сделало ставку на иностранных коммунистов. Причем не только тех, кто был в рядах РККА, но и тех, кого можно было привлечь для этой работы за рубежом среди немногочисленных членов иностранных компартий. Наверное, впервые эту идею высказал начальник Региструпра Ян Ленцман в своих соображениях о принципах постановки агентурной разведки за границей.

14 сентября Ленцман направил Крестинскому доклад, содержащий предложения о направлениях и методах работы военной разведки, а также текст положения о деятельности этой организации, но уже в условиях мирного времени. В своем докладе начальник Управления отмечал, что в связи с назначением ЦК РКП Комиссии по реорганизации он считает своим долгом представить ей в кратких чертах то направление и методы работы военной разведки, действуя по которым она может дать удовлетворительные результаты.

Ленцман считал, что Региструпр, как орган агентурной разведки, должен освещать военное, политическое и экономическое положение всех государств, которые имеют то или иное отношение к Советской России. Республика находится на особом положении, считал он, и

поэтому нельзя сосредотачивать все внимание только на граничащих с Россией странах. Необходимо подробнее освещать и те страны, правительства которых оказывают или могут оказывать в будущем влияние на внешнюю политику пограничных стран. Но все равно, по его мнению, главное внимание агентуры должно быть сосредоточено на выяснении численности вооруженных сил, военной техники, запасов стратегических материалов и производительности военной промышленности тех стран, с которыми, вероятнее всего, возможно вооруженное столкновение по тем или иным причинам.

В настоящее время, отмечалось в докладе, условия таковы, что затрудняют постановку агентурной разведки и делают ее более сложной, чем в прежнее время. Советская Россия, отмечал автор, находится в дипломатических отношениях с весьма ограниченным числом государств, причем большинство ее представителей не пользуется всеми теми правами, которыми пользуются представители буржуазных государств. Не было свободного сообщения между Советской Россией и Европой, трудно было наладить надежную связь. В этих условиях нельзя было иметь во всех странах людей, которые находились бы только на нелегальном положении и имели бы возможность получать для Региструпра ценную информацию.

Поэтому Ленцман делал основную ставку на членов иностранных компартий, видя в них активных помощников советской военной разведки. В своем докладе он писал: «Сейчас, когда весь мир находится в состоянии активной гражданской войны, во всех буржуазных государствах компартии являются не только нашими друзьями, но и активными борцами в нашем лагере. Поэтому они принимают и должны принимать активное участие во всех видах борьбы и разносторонней работы, которая ведется непосредственно для этой борьбы и является ее составной частью. Ввиду этого они должны выделить из своей среды работников, задачей которых является выяснение сил противника – буржуазии. Конкретно: сеть агентов Региструпра во всех странах должна состоять из людей, выделенных коммунистическими организациями этих стран. Единственно при такой постановке вопроса ведение агентурной работы может быть поставлено на широкую ногу и дать результаты, которые удовлетворили бы наши органы как в политическом, так и в военном отношении». Он считал, что такая постановка вопроса значительно облегчает и упрощает условия ведения агентурной разведки в сравнении с теми условиями, в которых приходилось вести ее в прежнее время буржуазными государствами.

И, конечно, должен был остаться на вооружении старый и хорошо проверенный метод – покупка интересующей разведку информации. Он считал, что «этот метод нужно попытаться использовать во всех странах и в самых широких размерах, ибо он до построения нашей сети дает самые полные сведения и будет служить хорошей проверкой и дополнением в то время, когда будет работать и наша сеть». Но для развития деятельности военной разведки необходимо, считал он, чтобы все военные представители во всех странах, то есть военные атташе, назначались Региструпром и подчинялись руководству военной разведки. Считалось также необходимым, чтобы во всех миссиях, делегациях и представительствах, посылаемых за границу, военная разведка имела своих представителей для удобной связи с местными организациями, очевидно коммунистов, и Москвой и более быстрого налаживания разведывательной работы.

Как старый партизанин, Ленцман хорошо понимал, что беспартийных специалистов на руководящие посты в военной разведке никто не пустит. Поэтому и писал он в своем докладе, что в работе, которая связана с заграничными коммунистическими организациями и в высшей степени конспиративна, участие беспартийных специалистов совершенно исключено, ибо беспартийный, по его мнению, не смеет даже знать самой системы организации разведывательной сети, работе которой активно помогают иностранные компартии. Здесь должны работать исключительно военные специалисты-коммунисты. Правда, в своем докладе он не уточняет, где в 1920 году военных специалистов-коммунистов можно взять. Но в то же время он считал, что беспартийные специалисты-генштабисты, то есть офицеры бывшей русской армии, при

отсутствии соответствующих коммунистов допустимы в информационном отделе, куда поступают материалы для обработки и приведения в общую систему и где приходится констатировать те или иные недостатки этих материалов и в связи с этим ставить дополнительные задания и запросы оперативному отделу.

* * *

Для успешной работы нужна была солидная агентура. Нужны были люди, знавшие языки, обстановку и условия жизни в европейских странах. То есть люди, которые бы не выделялись из общей массы населения, не вызывали подозрения и не привлекали внимания полиции и контрразведки. Берзин как начальник оперативного (агентурного) отдела должен был искать именно такую агентуру для зарубежной работы. Русских, годных для этой работы, было немного: партийцев с большим эмигрантским и партийным стажем, хорошо знавших языки и условия жизни в Европе. Спрос на них был огромный, распределялись они Центральным Комитетом поштучно. И, конечно, нельзя было рассчитывать, что при распределении Региструпу кто-либо достанется.

Очевидно, идея Ленцмана о привлечении иностранных коммунистов для агентурной работы нашла поддержку в партийных верхах. Берзин, как начальник основного отдела в Управлении, был хорошо знаком с идеями своего руководителя. Но он также хорошо понимал и весь риск, связанный с привлечением иностранных коммунистов к агентурной работе. Для них строжайшая дисциплина, четкое и обязательное выполнение приказов из Центра и глубокая конспирация, без чего не может быть успешной разведывательной работы, являлись не всегда обязательными. Имело значение и то, что конспиративных навыков, которые были у большевиков, годами находившихся в глубоком подполье, у них не было. Как следствие, они часто проигрывали полиции и контрразведке своих стран. В случае их провала неизбежны были громкие судебные процессы с обвинениями местных коммунистов в шпионаже в пользу Советской России. Берзин уже тогда представлял все международные осложнения, связанные с такими возможными процессами. Однако другого выхода в те годы не было, положение было критическим, и приходилось рисковать.

Но людей для агентурной работы решили отбирать не только из числа членов иностранных компартий. В составе РККА было много бывших военнопленных: немцев, австрийцев, чехов, венгров. Все они имели боевой опыт и Первой мировой, и Гражданской, участвуя в боях в составе многочисленных интернациональных частей. Все отлично владели языками, знали условия жизни в Европе, и образование у них было значительно выше, чем у русских солдат и младших офицеров. К ним добавили многочисленную группу коммунистов, эмигрировавших в Советскую Россию из Болгарии, Финляндии и прибалтийских стран. У руководства военной разведки в 1921 году был выбор. Надежных, преданных коммунистическим идеям людей, а тогда это было главным при отборе кандидатов, можно было найти. И начальник оперативного отдела искал: знакомился, присматривался, беседовал и, конечно, проверял.

Берзин обладал своеобразным умением находить и отбирать нужных людей, разговаривать с ними, убеждать, привлекать на свою сторону. Очевидно, сказался огромный по тем временам опыт партийной и подпольной работы, когда от подобного умения часто зависела свобода на многие годы. А может быть, у него было чутье, своеобразный «нюх» на нужных людей. Он долго присматривался к человеку, тщательно изучал его характер, взгляды, вкусы, привычки. Но если доверял своему нелегалу, то доверял до конца, не сомневаясь в нем и поддерживая его в любых обстоятельствах. Это умение находить и подбирать кадры сразу было отмечено и высоко ценилось и в Реввоенсовете Республики, и в Штабе РККА.

В 21-м он занялся созданием нелегальной сети, которая постепенно начала покрывать Европу, и в первую очередь Польшу, Францию, Германию, прибалтийские страны, Финлян-

дию. Конечно, не все сразу получалось. У некоторых кандидатов на нелегальную работу не было опыта подпольной борьбы. Кто-то был излишне самоуверен, считая, что с помощью местных коммунистов можно преодолеть любые преграды и горы свернуть. Были у этих людей просчеты, ошибки и провалы. Это было естественно – ни одна разведка, особенно на стадии становления, не может похвастаться только победами. Но Берзин умел не только находить и привлекать людей, но и тщательно анализировать их ошибки, учитывать все недостатки в агентурной работе. И постепенно у него накапливались знания и опыт руководства военной разведкой. Молодой по стажу начальник агентурного отдела превращался в Мастера. Этот процесс был длительным и растянулся на годы. И в это же время в его работе в полной мере проявилась та черта характера, которая была у него еще со времен дореволюционного подполья. Он не перекладывал вину за просчеты, ошибки и провалы на своих подчиненных. За все, что случилось, он брал вину на себя, прикрывая своих людей и стараясь отвести от них гнев военного и партийного начальства.

Берзин, если это было возможно, сам знакомился с кандидатами на нелегальную работу, выявлял достоинства и недостатки человека, старался предугадать его действия в экстремальной ситуации за кордоном. Конечно, никаких методик проверки и психологических тестов тогда не было. Приходилось опираться только на свой опыт партийной и подпольной работы, знание жизни и людей и, конечно, на интуицию. Не все получалось гладко. Были ошибки и просчеты, но постепенно начальник агентурного отдела набирался опыта, и работа налаживалась. И надо отметить, что большинство из тех нелегалов, которые прошли через его кабинет в 1921–1922 годах, успешно работали в разведке до 1937 года, когда почти все они (выжили единицы) попали под ежовско-бериевский топор.

О первых нелегалах известно немного. О некоторых можно что-то узнать из архивных документов и их личных дел. Ушли в небытие, не оставив после себя воспоминаний, немногие выжившие в кровавой предвоенной мясорубке. Почти не осталось в живых родственников и близких тех военных разведчиков, которые начинали работу в первые мирные годы. Поэтому об одних можно сказать что-то, а о других только короткие строчки приказов об их назначениях, перемещениях и увольнениях из РККА в связи с арестами органами НКВД – печально знаменитая статья 44, пункт «в».

Германский «Октябрь»

При изучении жизни такого человека, как Ян Берзин, возникает естественный вопрос: а был ли он за границей в 20-х годах, знал ли не по документам и донесениям обстановку в странах вероятных противников? Или довольствовался только тем, что ему рассказывали возвратившиеся оттуда разведчики и резиденты? Конечно, он знакомился с докладами и донесениями. Читал иностранную прессу: газеты, журналы, просматривал зарубежную литературу, поступавшую в библиотеку Управления. Материалов в Москву поступало много: на приобретение зарубежных изданий валюты не жалели. Но помимо знакомства со всеми этими пластами информации необходимо было и живое общение со странами, которые в будущем могли стать возможными противниками.

Поездка в ноябре 1923 году в Германию была документально зафиксирована, и отчет Берзина о командировке в Берлин сохранился в фондах Коминтерна.

«Четверка» эмиссаров Коминтерна под руководством Карла Радека была отправлена в Германию для организации вооруженного восстания германского пролетариата. Организация их безопасности, переправа через германскую границу, подбор конспиративных квартир в Берлине и других городах, обеспечение конспиративных встреч с руководителями Германской компартии были возложены на Артура Сташевского (он же Гиршфельд, он же Верховский, он же Степанов) – первого резидента советской военной разведки в Германии, работавшего под

«крышей» секретаря торгпредства РСФСР. Радеку что-то не понравилось в действиях Сташевского и его сотрудников, и руководитель группы написал сердитое письмо в Москву, подчеркивая мнимые, а может быть, в какой-то мере и действительные недостатки в работе сотрудников резидентуры. Письмо из ЦК переправили члену Реввоенсовета Республики Иосифу Уншлихту, курировавшему работу военной разведки, с требованием немедленно разобраться в обвинениях Радека и принять срочные меры.

Получив от Уншлихта приказ, Берзин 13 ноября 1923 года выехал в Берлин – чтобы ознакомиться с работой Сташевского по обслуживанию «четверки», выяснить, в какой степени имеют место дефекты, отмеченные в письме Радека, и принять меры к их устранению. Командировка была короткой, и уже 27 ноября в Москве он подписал докладную записку, адресованную Уншлихту.

В этом документе Берзин анализирует работу берлинской резидентуры Степанова (под этой фамилией Сташевский работал в Германии) по приему Андрея (Карла Радека), размещению его в Берлине на конспиративных квартирах и организации контактов с руководством Германской компартии. Радек ехал в Германию кружным путем через Варшаву и Прагу. Неприятности начались еще на варшавском вокзале, где Радек устроил скандал, привлечший внимание публики. Затем последовало его появление в опере вместе с советским полпредом Оболенским. Берзин писал в своей записке: «Для польской охранки появление тов. Андрея в Варшаве не прошло незамечным, и лишь, может быть, благодаря медлительности таковой он избежал провала». В Праге Радека встретил и помог ему доехать до Берлина посланный Степановым сотрудник резидентуры Алекс. Под этим псевдонимом начинал свою разведывательную деятельность будущий дивизионный комиссар и китайский куратор группы Рихарда Зорге Лев Борович.

В Берлине руководитель коминтерновской «четверки» своим поведением расконспирировал себя почти полностью. Берзин в докладной записке писал:

«Его расконспирированию усиленно содействует еще и т. Л.Р., которая как корреспондентка Известий ВЦИК посещает заседания рейхстага, сносится с немецкими социал-демократами, бывает на официальных собраниях Берлинской коммунистической организации и, имея, без сомнения, за собой наблюдение, – в то же время ежедневно 2 или 3 раза посещает квартиру т. Андрея (сообщение тов. Алекса)».

Проанализировав сложившуюся в Берлине обстановку, действия Степанова, Алекса и сотрудников берлинской резидентуры, обслуживавших коминтерновских эмиссаров, Берзин пришел к выводу, что обвинения Радека по отношению к Степанову беспочвенны и лишены серьезных оснований. В докладной записке Уншлихту он писал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.